

ПОВЕСТЬ

Дом, где остановились часы

Aleksandr Moor

Дом, где остановились часы

«Автор»

2026

Moog A.

Дом, где остановились часы / А. Моог — «Автор», 2026

Вера Лаптева работает в городском архиве и давно привыкла, что чужие судьбы лежат у неё на полках в серых папках. Но в ящике номер сорок семь она находит письмо, написанное семьдесят лет назад. Оно ведёт к старому дому Берёзкиных, где часы на башне стоят на одном и том же времени. А до сноса дома остаётся девять дней. Вместе с беспечным фотографом Тимуром и старым часовщиком Фёдором Ильичом Вера ищет спрятанный документ, который может всё изменить. Ночное проникновение в заброшенный дом, загадка часового механизма, погоня по крыше и безупречно вежливый застройщик, который готов на всё ради нового торгового центра. Лёгкая, динамичная и тёплая повесть о том, что память города хранят не здания и не печати, а люди, которые не забывают.

© Моог А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дом, где остановились часы	5
Глава 1. Ящик № 47	6
Глава 2. Старик на скамейке	7
Глава 3. Девять дней	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Aleksandr Moor

Дом, где остановились часы

Дом, где остановились часы

Повесть

Автор: Aleksandr Moor

Глава 1. Ящик № 47

Ящик под номером сорок семь стоял на самой нижней полке и, судя по слою пыли, не открывался лет тридцать. Вера Лаптева вытерла его рукавом и чихнула так громко, что наверху хлопнула дверь.

— Будьте здоровы, — донёлся голос директора. — Только потише. У нас архив, а не оперный театр.

Вера работала в городском архиве Зарайска уже шесть лет и любила свою работу, хотя признавалась в этом редко. Когда она рассказывала знакомым, где служит, они делали такое лицо, словно она сообщила, что сторожит кладбище. Но Вера знала то, чего не знали они: в каждой папке лежит чья-то жизнь. Надо только суметь её разглядеть.

В ящике сорок седьмом лежали квитанции за дрова тридцать восьмого года, списки жильцов какого-то барака и записная книжка с рецептом варенья из крыжовника. Вера уже собиралась закрыть крышку, когда заметила на дне плотный конверт кремового цвета. На нём чернилами, красивым старомодным почерком, было выведено: «Тому, кто станет искать».

Вера огляделась. Никого. Только лампа гудела под потолком.

Конверт не был заклеен. Внутри лежал один сложенный вдвое листок, и Вера развернула его осторожно, как крыло бабочки.

«Если вы читаете это письмо, значит, дому снова грозит беда, а я, должно быть, уже ничем не смогу помочь. Бумага, которая его защищает, спрятана. Ищите там, где время стоит с четырёх двадцати. Заводить нужно не вперёд, а назад. Не доверяйте тем, кто слишком любит новое. А. Орлова. 14 октября 1947 года».

Вера перечитала письмо три раза. Потом достала телефон и посмотрела на календарь. Двадцать второе октября. Письмо ровно на месяц старше нашей осени, если не считать семидесяти девяти лет.

«Время стоит с четырёх двадцати». Где-то она это слышала. Или видела. Вера закрыла глаза и представила центр города, улицу Почтовую, красный кирпичный дом с башенкой. На башенке большие часы с чёрными стрелками. Они показывали двадцать минут пятого.

Всегда. Сколько Вера себя помнила, часы на доме Берёзкиных показывали двадцать минут пятого, и жители Зарайска давно перестали обращать на это внимание. Говорили даже: «Встретимся в четыре двадцать у часов», и все понимали, что имеется в виду просто «давай где-нибудь, когда-нибудь».

А вчера Вера видела на заборе вокруг этого дома новое объявление. Большими красными буквами там было написано: «Здание аварийное. Демонтаж через девять дней».

Вера аккуратно сложила письмо, спрятала его во внутренний карман и сказала в пустоту архива:

— Ну, здравствуй, Анна Орлова.

Пустота, разумеется, не ответила. Но Вере показалось, что где-то на верхней полке тихонько скрипнула бумага. Будто кто-то одобрительно кивнул.

Глава 2. Старик на скамейке

Дом Берёзкиных стоял на углу Почтовой и Кузнечной, и когда-то это было самое красивое здание города. Купец Берёзкин построил его в 1900-х годах, не жалея денег: узорные наличники, кованые балконы, высокие окна и башенка с часами, которые слышал весь центр. Потом в доме работали разные учреждения, потом он опустел, а за последние годы стал похож на старика, которого все забыли навестить.

Вера пришла туда сразу после работы. Забор вокруг дома был новый, из рифлёного железа, с табличкой «Осторожно, идёт подготовка к сносу». Только через дорогу, под липой, сохранилась старая деревянная скамейка. На ней, опираясь на трость, сидел старик в вязаной шапке и смотрел на дом так, как смотрят на больного друга.

— Ищите что-то? — спросил он, не повернув головы.

— Часы, — честно сказала Вера. — Вернее, почему они стоят.

Старик усмехнулся.

— Хороший вопрос. За пятьдесят лет мне его задали, наверное, раза три. Присаживайтесь, барышня. Меня зовут Фёдор Ильич.

Оказалось, что Фёдор Ильич — часовщик. Вернее, бывший часовщик: у него до сих пор была крошечная мастерская на соседней улице, куда, по его словам, ходили «только по привычке и за новыми батарейками». Но мальчишкой, в пятидесятые годы, он был учеником мастера, который обслуживал башенные часы Берёзкиных.

— Я тогда ещё в школу бегал, — рассказывал он. — А к мастеру ходил после уроков. Он меня учил: эти часы особенные. Их ставил немецкий механик специально для купца. Механизм с секретом, какого я больше нигде не видел. Мастер говорил: «Заводи только вперёд, Федя, и никогда назад. Сломаешь — не починим».

Вера почувствовала, как внутри у неё что-то ёкнуло.

— А почему они остановились?

— В семьдесят восьмом, — сказал Фёдор Ильич. — В тот день, когда дом закрыли. Здесь тогда находилась библиотека, самая настоящая, с читальным залом. Хорошая была. Заведовала ею Анна Сергеевна Орлова. Строгая, высокая, в очках. Меня, мальчишку, она научила читать по-настоящему, не по складам. А потом пришли какие-то люди в одинаковых пальто и сказали, что библиотеку закрывают, а книги отправляют на склад. Анна Сергеевна...

Он замолчал.

— Что она? — спросила Вера.

— Она тогда сильно болела, — тихо сказал старик. — Но отдала мне ключ от часовой башни и попросила: «Федя, если что, завод остановишь сам, чтобы часы не шли без меня». Я остановил. Мне было четырнадцать лет, и я решил, что так надо. С тех пор ни разу не заводил.

Вера достала письмо и молча протянула ему.

Фёдор Ильич читал долго. Дважды поправлял очки. Когда он дошёл до подписи, руки у него слегка задрожали.

— Её почерк, — сказал он. — Я узнаю его где угодно. Она писала мне записки: «Фёдор, верни «Три мушкетёра», ты задерживаешь их уже две недели».

Он вернул листок и посмотрел на Веру совсем другими глазами.

— Значит, спрятала всё-таки, — пробормотал он. — Столько лет молчала, а спрятала. Ох, Анна Сергеевна.

— Вы знаете, где искать? — спросила Вера.

— Знаю, где часы. Но туда не войти: дом заперт, а завтра приедет техника. Туда можно только ночью. И только тайком.

Вера подумала о своём сером пальто, о должностной инструкции и о директоре, который отвечал за каждую бумажку в здании. Потом посмотрела на дом, на башенку и на стрелки, замершие на двадцати минутах пятого.

— Ну что же, — сказала она. — Значит, ночью.

Глава 3. Девять дней

Тимур Алиев умел появляться в самый неподходящий момент. Именно поэтому Вера с ним и дружила.

Он был её соседом по лестничной площадке, фотографом-фрилансером и по совместительству курьером, потому что с фотографии одной не проживёшь. Высокий, вечно взъерошенный, с камерой на шее, он утверждал, что может сфотографировать что угодно, кроме собственной причёски. Когда Вера в десять вечера позвонила ему в дверь, он открыл с зубной щёткой во рту.

— Что случилось? Кто-то умер?

— Дом хотят снести.

— А, — кивнул Тимур. — Тогда заходи. С этого начинают все хорошие истории.

Она изложила ему всё за десять минут: письмо, часы, старик на скамейке, девять дней. Тимур слушал сначала с улыбкой, потом без улыбки, потом достал из кармана телефон и открыл в нём новости.

— Вот, смотри, — он повернул экран к Вере. — «Предприниматель Руслан Громов объявил о строительстве торгового центра «Зарайский пассаж» на месте аварийного здания на Почтовой». Улыбается, как будто выиграл в лотерею.

На фото был мужчина лет пятидесяти в дорогом пальто, с аккуратной седой бородкой и взглядом человека, который привык, что ему уступают дорогу.

— Здание не аварийное, — сказала Вера. — Я смотрела техническое заключение. Там прописано «ограниченно работоспособное». Это совсем не то же самое.

— Значит, заключению кто-то помог, — усмехнулся Тимур. — Слушай, а что в этом письме ещё сказано? «Не доверяйте тем, кто слишком любит новое». Забавно. Как будто писал человек, который знал Громова лично.

Вера хотела ответить, но тут в дверь постучали. Не позвонили, а именно постучали, медленно и тяжело.

Тимур открыл. На пороге стоял Фёдор Ильич с тростью в одной руке и тяжёлой сумкой в другой.

— Простите, что поздно, — сказал он. — Адрес мне подсказали в архиве. Не удержался: боюсь, если до утра подожду, то передумаю.

Он поставил сумку на стол и открыл. Внутри лежали маленькие отвёртки, пинцеты, фонарь, связка ржавых ключей и какая-то странная штуковина, похожая на заводную ручку.

— Это ключ к башенным часам, — пояснил старик. — Хранил его сорок восемь лет. Я думал, что никому уже не пригодится.

Тимур посмотрел на Веру. Вера посмотрела на Тимура.

— Завтра ночью, — сказала она.

— Завтра ночью, — согласился Фёдор Ильич.

— Я возьму камеру, — добавил Тимур. — Не для красоты, а на случай, если понадобятся доказательства.

Они ещё не знали, что на следующий день у забора Дома Берёзкиных за ними будут следить.

Утром Вера шла мимо дома и увидела у ворот чёрный внедорожник. Из него вышел тот самый человек в дорогом пальто и аккуратной бородкой. Он подошёл к забору, окинул дом оценивающим взглядом и сказал стоявшему рядом охраннику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.